

# Российские ровесники Войны /РВ/ в 1970-е - 1980-е гг.: работники и потребители

Рождённые в 1940-е годы, в том числе РВ, как и их предшественники — «60-ники», в зрелом возрасте вросли во все поры развитого советского общества, во все его структуры, пропитавшись и официальным сознанием, и обыденным. На границе между ними неявно, но мощно многое определялось не классовым, а корпоративным духом. Отсутствие или замедленность зримых перемен, противоречивость между «теорией и практикой» социализма порождали некоторое отупение, утрату смысла...

## Работники

Кризис советской экономики «на этапе зрелого социализма». 1970-е — 80-е гг. были последней третью 60-летнего периода командной экономики. Но мы, рождённые в 1940-е гг.<sup>1</sup>, вступали в активную экономическую жизнь, когда принуждение ослабло, а уравнительность распределения и несовершенство систем оплаты труда всё больше подрывало материальную заинтересованность работников. Застой экономики в 1971--1990 гг. характеризовался снижением темпа ежегодного прироста чистого или валового национального продукта до 2% по сравнению с 5% в предшествовавшее 20-летие<sup>2</sup>.

Приближение к кризису было заметно даже по «лукавой» советской статистике 1985 года, когда по сравнению с 1970 г. основные производственные фонды /ОПФ/ увеличились втрое, а валовой общественный продукт /ВОП/ и национальный доход /НД/ — лишь примерно в 2 раза. Группа промышленных отраслей «А», как всегда, опережала группу «Б», продукция растениеводства не увеличивалась, животноводство выросло на четверть, но — на привозных кормах. Показан был рост производительности общественного труда на 75 %, видимо, из-за двойного счета и удорожания единиц продукции. Диким явлением было увеличение оплаты труда в колхозах в 2,1 раза при отсутствии роста валовой продукции. И в целом по народному хозяйству наращивали выплаты и льготы из общественных фондов потребления (ОФП) — в 2,3 раза, т.е. быстрее, чем позволял рост НД. В 1980-е гг. замедлилось обновление производственных фондов, вдвое меньше создали образцов новой техники. Фондоотдача снижалась на 3 и более процента в год<sup>3</sup>.

В середине 1980-х гг. новое руководство КПСС вынуждено было признать, что экономика находится в предкризисном состоянии. В конце 1980-х было отмечено, что за 10-11-ю пятилетки показатели эффективности общественного производства ухудшались или оставались на одном уровне<sup>4</sup>. Попытки отрицать это бездоказательны<sup>5</sup>. Объективно имело место существенное отставание от развитых капиталистических стран по состоянию средств производства и рабочей силы в отраслях, не определяющих технический прогресс, не обслуживавших непосредственно нужды ВПК<sup>6</sup>. Например, средний возраст каждой пятой единицы металлорежущего и кузнечно-прессового

**Ключевые слова:** ровесники Войны; советская экономика 1970-80-х годов; труд в РСФСР; уровень жизни в СССР накануне Перестройки; качество жизни средней по возрасту когорты населения.

**Чеслав Симонович**

кандидат исторических наук  
независимый исследователь

оборудования в РСФСР составлял больше 20 лет. По союзной промышленности 17 % производственного оборудования было полностью изношено<sup>7</sup>. Недостатки системы профтехобразования вынуждали предприятия РСФСР вести производственное обучение ежегодно около 4 миллионов человек. И общее соотношение профессионально обучаемых в ПТУ и на производстве составляло в СССР в 1975 г. 1:3, а в 1988 г. — 1:2,6<sup>8</sup>.

Наблюдался рост доходов населения при снижении производительности труда, а также сокращение численности: рабочих и служащих на 0,6% в год, колхозников, занятых в производстве, за 1980-е годы почти на 1/5, с 4,9 до 4,0 млн.<sup>9</sup>

Но дело было не только в материально-технической и кадровой слабости большинства мирных отраслей. Всё более очевидным оказывалось практическое «противоречие между базисом и надстройкой». Основным экономическим отношением при социализме влиятельная часть тогдашних экономистов называла отношения *товарищеской дружбы и взаимопомощи по поводу производства, распределения, обмена и потребления материальных благ*... Однако на всех стадиях, уровнях производства, распределения и обмена постоянно возникали элементы конкуренции, использования внеэкономических методов организации и управления, дележа и «выбивания» фондов на материалы, капиталовложений... Не говоря уже о неэквивалентном обмене между государством и колхозами, о волонтаризме в ценообразовании, о политических основаниях выделения средств из Центра целым регионам и национальным республикам. На рабочих местах сделщина, при неполной обеспеченности обоснованным нормированием, оборачивалась враждой между коллегами из-за получения «выгодных» работ...

Другие экономисты считали основным экономическим отношением при социализме отношение социалистической общественной собственности. Они лишь вскользь признавали, что реализация этого отношения на стадиях владения и распоряжения средствами производства, извлечения прибыли, распределения последней между производителями и госбюджетом, — была далека от идеальной схемы. Так, колхозники слабых, «закредитованных» колхозов вели хозяйство при помощи средств производства, фактически уже им не принадлежащих. Налогово-ценовая политика, определяемая политическими за-

<sup>1</sup> Автор — 1945 г.р.

<sup>2</sup> Грегори П., Зотеев Г. Экономический рост. // Коммунист, 1991, № 1, с. 74-76.

<sup>3</sup> Народное хозяйство /НХ/ РСФСР в 1985 г. Стат. ежегодник. М., 1986, с. 21.

<sup>4</sup> См. Экономическая социология и перестройка. М.: Прогресс, 1989. /Цит. по: Ковнир В.Н. История экономики России. Учеб. пос. М.: ЛОГОС, 2005, с. 422./

<sup>5</sup> Кара-Мурза С.Г. Народное хозяйство СССР. М.: Алгоритм, 2012, с. 40.

<sup>6</sup> См. Ханин Г.И. Экономическая история России в новейшее время. В 2 тт. Новосибирск: изд-во НГТУ, 2010. Том 2. Экономика СССР и РСФСР в 1988 — 1991 гг., с. 9 — 11.

<sup>7</sup> НХ РСФСР в 1988 г. Стат. ежегодник. М.: Финансы и статистика, 1989, с. 316; Научно-технический прогресс в СССР. Стат. сб. М.: Финансы и статистика, 1990, с. 60.

<sup>8</sup> НХ РСФСР в 1988 г., с. 50; Социальное развитие СССР 1990. Стат. сб. М.: Финансы и статистика, 1990, с. 242.

<sup>9</sup> РСФСР в цифрах в 1989 г. Кратк. стат. сб. М., 1990, с. 11-12, 30.

дачами момента, а не факторы трудозатрат, ренты и пр., влияла на уровень доходов и реального потребления населения целых регионов и природных зон («Нечерноземья», нефтегазоносных районов и т.д.). Хозрасчёт, самокупаемость, как правило, оставались лишь лозунгами или имели ограниченный масштаб внедрения. Коренным пороком надстройки было неумение или боязнь создать систему управления, при которой отраслевой принцип наилучшим образом сочетался бы с территориальным.

Политическое руководство выдвигало цели, руководствуясь не столько возможностями реальной экономики, сколько политическими задачами момента, этапа, в том числе — внешними, например, необходимостью помощи «братским» странам и потенциальным союзникам. Но — и внутренними, связанными с внешними. Так, курс 1970-х годов на ускоренный рост жизненного уровня в СССР во многом был вынужденным, ибо Запад уходил вперёд в этом отношении быстро, и скрыть это от советских людей было невозможно. Приходилось манипулировать в пропаганде и агитации экономической и социальной статистикой. В частности — в РСФСР:

*За 8-ю, 9-ю и первый год 10-й пятилетки в РСФСР экономический потенциал, созданный за предшествующие полвека, удвоился. На долю промышленности приходится почти 60% национального дохода. В ней — свыше 400 отраслей и подотраслей, 26 тыс. предприятий. За 16 дней производится столько продукции, сколько было произведено за весь 1937 год (т.е. 40 лет назад). Объём валовой продукции сельского хозяйства в 1976 г. был в 3 раза выше уровня 1913 года. За последние 11 лет в сельское хозяйство вложено вдвое больше средств, чем за все предшествующие годы Советской власти. Основные производственные фонды здесь увеличились в 3,1 раза, энергооборуженность труда — в 2,5 раза...<sup>10</sup>*

Неблагополучие, наблюдаемое людьми на своём заводе, в совхозе, в НИИ... — всегда можно было объяснить местными ошибками на общем оптимистичном фоне. Чтобы ясно представлять себе комплекс противоречий, раздиравших советскую экономическую систему, надо было затратить годы и годы на просмотр не теоретических работ по политэкономии, а на поиск цифр, фактов, явлений в исследованиях по отраслевой экономике (в частности — по экономике труда). Но эти исследования существовали как бы сами по себе, не влияя на практику планирования и управления.

Впрочем, советские СМИ, лекторы, воспринимая критичный посыл публикуемых документов КПСС второй половины 1970-х гг., случалось, довольно правдиво представляли многомиллионной аудитории положение в отдельных отраслях. Но подлинные причины трудностей и провалов называть не решались. Последние же были столь серьёзны, что никакой трудовой героизм спасти от кризисов не мог. Выявленные СМИ, публицистами, учёными диспропорции, приписки и пр. устранялись в одном месте и тут же расцветали в другом. Помнится, Ю. Черниченко на встрече в Ленинградском Доме писателя обличал Ростсельмаш в поставке зерновых комбайнов россыпью, в ящиках, для сборки в хозяйствах. Но то же самое делали сибирские комбайностроители. Периодически приходилось принимать грозные постановления Верховного Суда СССР против приписок<sup>11</sup>.

На предприятиях, конечно, были свои партийные и профсоюзные организации, организовывавшие соревнования. В них не могли не знать о сознательном и постоянном искажении отчётных данных. Но групповой эгоизм был сильнее, чем госу-

дарственный подход к делу.

*«Нокаутирующий удар был нанесен системе новым витком научно-технического прогресса. ...Фрондирующая литературная интеллигенция лишь добила поверженного гладиатора. Новые ... технологии ...взывали ... к свободе личности — прежде всего, инициативе, массовому мастерству. ...Подталкивая движение лавины, многие даже не догадывались, ... что она сметет всё и всех ...Вряд ли кто всерьез задумывался, в какую сторону нам разрешено идти историей, какое общество мы можем ожидать...»<sup>12</sup>*, — академик Н. Моисеев хорошо знал то, о чём говорил, ибо был славен трудами по численным методам оптимального управления.

Немецкому РВ принадлежит объяснение крушения советской экономики в конце 1980-х гг. пренебрежением нуждами сельского хозяйства. Последнее десятилетиями, если не веками, обескровливалось изъятиями мобилизуемых средств и рабочей силы (из трудонедостаточных районов), не говоря уж о катастрофах 1917-1920, начала 1930-х и 1941-1946 гг. Рост аграрного производства начался с поворота в 1953 г. к нуждам села<sup>13</sup>. Но потери 1917 — 1952 гг., усугубляемые очередными ошибками руководства, оказались невосполнимыми. Во второй период руководства Хрущева (с 1959 г.) снова съехали на изъятия продукции из колхозов и совхозов, на плавающие закупочные цены на сельхозпродукцию. Сильнейший удар по основному социалистическому принципу распределения нанесло введение при Брежневеве гарантированной государственными кредитами оплаты ТРУДА, а не ПРОДУКЦИИ колхозов.

Журналист газеты «Правда» и 1-й секретарь Сапожковского РК КПСС «пытают» председателя рязанского колхоза (среднего в районе) «Россия», каковы итоги последних лет?

— *Убытки, — спокойно отвечает тот.*

— *А живёте-то как?*

— *Хорошо живём ...У людей легковые машины есть, ...телевизоры в каждом доме, ну и вообще...*

— *А на что живёте-то? У вас же денег нет?*

— *А банк? Он нам даёт. ...Когда-нибудь вернём. А может и спишут...*

Тогда ВСЕ колхозы района получали зерновых по 4 (!) центнера с гектара, молока — по 600 литров в год от коровы. Бездорожье, техника под открытым небом...<sup>14</sup>

Сколько лет было тогда условному сельскому РВ? Около сорока. Он уже получил от родной власти несколько горьких уроков. Первый — в 10-летнем возрасте при Сталине, когда мать арестовали за «колоски». В 16-20 лет, на рубеже 1950-х/60-х, РВ пережил (если оставался тогда дома) — разорение личных подсобных хозяйств, подрыв колхозной экономики ускоренной продажей техники колхозам, кукурузоманией. В 1973-м условному РВ сровнялось 30 лет. И тут он получил третий урок — деньги, которые власть нашла, наконец, для села, расхватывали партнёры-хищники: Минсельхозмаш, нефтепереработчики, Сельхозтехника, Сельхозхимия, мелиораторы, пищевые промовцы. В 40 лет — последний урок нашему сельскому РВ звучал так: — *«Ты только выходи на работу, зарплата будет, независимо от результатов. Всё тебе построим: дороги, Дом культуры, баню, музыкальную школу...»*

— *Нет, — подумал РВ, — хватит, теперь моих детей ничем не удержите. Поздно спохватились.*

Такие разговоры я сам слышал в середине 1980-х в Солецком районе Новгородской области, где в бригаде шабашников перестраивал бывшую церковь в клуб.

Какие уроки получал от нашей экономики РВ-горожанин?

<sup>10</sup> Соломенцев М.С. Социализм и общественный прогресс // Правда, 1977, 26 окт.

<sup>11</sup> Предупреждение преступлений и иных правонарушений. Сб. документов. М.: Юридическая литература, 1986, с. 124.

<sup>12</sup> Моисеев Н. О России с тревогой и надеждой // Свободная мысль, 1993, № 3, с. 4.

<sup>13</sup> Merl St. Russland und Sovjetunion // Handbuch Europäische Wirtschaft und Socialgeschichte. Bd. 6. Klett-Kota, S. 684.

<sup>14</sup> Грибов Ю. Сельский двор. М., 1982, с. 38.

Тут обобщать труднее. Не только экономисты догадывались, что реформа захлебнулась, ибо угрожала подорвать всеиллие плана и номенклатуры. Так же ясно становилось, что экономика оздоровится только при повышении розничных цен и тарифов до уровня, покрывающего себестоимость и обеспечивающего прибыль. И что руководство загнало себя в угол, хвалясь неизменностью розничных цен, ибо денег на дотации уже не хватало.

Перестройка началась было с правильного движения в сторону обновления производственной базы, но тут же популизма ради пытались пополнить финансирование социальной сферы, потом неосмотрительно дали свободу предпринятиям, и сократили поступления в бюджет из-за несвоевременной антиалкогольной кампании. Возникла ситуация: «ни плана, ни денег в бюджете, ни потребительских товаров...», о чём впоследствии писали, сами «прорабы перестройки»<sup>15</sup>.

Главный урок, извлечённый тогда ровесником Войны, как и близкими к нему поколениями: стоило посягнуть на всеиллие плана, открыть лазейку для рынка, как система стала разлезаться как гнилая ткань. Враги социализма проявили бешеную агитационную и деловую активность, «нейтралы» при сем присутствовали и привычно поругивали «верхи», а принципиальные защитники социализма увязли в спорах, не сумев быстро создать новую «партию нового типа». Но этот урок имел уже только теоретическое значение, ибо реанимация социализма была невозможна.

Причина относительного долголетия советского строя была не только в его изначальной тоталитарности, но и в доверии к Партии со стороны наиболее трудолюбивых (или честолюбивых) граждан страны, тружеников, ударников пятилеток.

**РВ среди передовых рабочих других поколений.** Поощряемое выполнение планов в отдельных звеньях хозяйственного механизма сочеталось с отрицательными явлениями в экономике в целом. На «положительном» полюсе была самоотверженная или добросовестная трудовая деятельность сотен тысяч и миллионов рядовых работников. Её результаты отчасти закрывали прорехи в несовершенном планировании и исполнении намеченного. Само наличие передовиков, вероятно, в какой-то степени убеждало часть людей, равнодушных к идейному участию в развитии социализма, в том, что безразличны не все. Моральное и материальное стимулирование выполнения и перевыполнения планов, борьбы за высокое качество продукции было весьма разносторонним и во многом заслуженным, если речь шла не об искусственном «делании» героев труда, орденосцев.

Ключевая роль в агитации за ударный труд, в распространении передового опыта принадлежала советским СМИ, как массовым, так и ведомственным. Знакомства с ними сегодня недостаточны, чтобы уяснить, «дутый» передовик описан или подлинный. Но как главный источник из разряда опубликованных, пресса незаменима. Вот лишь один сборник очерков в «Правде», достаточно надёжных, вероятно, учитывая статус центрального органа печати КПСС. Половина очерков — о людях средних лет. Среди них были:

сыновья эстонских воинов, освобождавших во время Войны город-ключ к их родине — Великие Луки. А сами сыновья трудились на стройках 1960-70-х гг. вне Эстонии, по своей воле;

горняки-рекордсмены из г. Тореза, где тогда ещё работал легендарный Алексей Стаханов;  
алтайские комбайнеры, умевшие убирать полёгшие хлеба;  
слесари МЭМЗа, награждённые в 1974 г. первыми орденами Трудовой Славы;

6 Героев Социалистического Труда из колхоза им. Ленина Бежецкого р-на Калининской обл.<sup>16</sup>

Взятые в отдельности, результаты такой работы впечатляли. Так в 1971 г.:

с 27 февраля добывался 1 млн. т нефти ежесуточно;  
на «Красном Сормове» создан теплоход, развивающий скорость в 100 км в час;

в Вышнем Волочке, где работала В.И. Гаганова, появилась важнейшая для преемственности поколений работников форма шефства — наставничество;

за год впервые произведено 100 млн. т цемента...<sup>17</sup>

И это — лишь искорки «маяков», на которых призваны были равняться советские труженики. Если же взять все материалы такого рода в СМИ страны, то счёт пошёл бы на сотни тысяч. Но прежде чем говорить о передовиках, обратимся к месту работников 1937 — 1946 гг. рождения в возрастной структуре рабочей силы по отраслям. В начале 1987 г. удельный вес /УВ/ 40-49-летних работников составлял по народному хозяйству РСФСР 21 %. Почти таким же был их УВ в большинстве отраслей, кроме современных информационных технологий (15%), аппарата органов управления (23 %), науки и научного обслуживания (24%)<sup>18</sup>. Замечу, кстати, что среди научных работников в 1982-87 гг. наблюдалось уменьшение УВ интересующей нас возрастной когорты 41-50-летних, с 35 до 32 %. Предшествующая и более старшая когорты, напротив, расширились<sup>19</sup>. Но, как известно, в 1990-е гг. им всем пришлось либо уходить в другие сферы, либо отчаянно бороться за выживание в прежнем статусе...

Характеризуя качественный состав рабочей силы в советской промышленности, исследователи признавали в середине 1980-х гг., что трудом научно-индустриального типа занимались только 13 % рабочих, а 35 — 40 % работали вручную<sup>20</sup>.

В 1970 — 80-е гг. РВ были в возрасте примерно от 28 до 47 лет. УВ их среди работников был равен 7-8 %. Пусть какая-то часть материалов в СМИ была вымученной, но всё же ясно, что геройски работали тогда десятки тысяч РВ. Среди ударников 1971-1975 гг. люди в возрасте до 30 лет, т.е. родившиеся в среднем после 1943 г. составили 13,9%<sup>21</sup>. Средний возраст «правофланговых 9-й пятилетки» равнялся 40 годам, т.е. это были условные уроженцы периода после 1933 г., видимо, уже дорастившие детей до 12-15-летнего, довольно самостоятельного возраста.

Обращаюсь к биографическому справочнику о передовиках Ленинграда. Деда РВ, 1880-х — 1890-х гг. рождения представлены в главе о 1-й пятилетке. Родители РВ, 1900-х — 1910-х гг. рождения, названы в числе ударников 2-й — 3-й и последующих пятилеток. Сами же РВ и близкие к ним по возрасту передовики производства присутствуют на страницах книги, начиная с 9-й пятилетки (1971-75 гг.), то есть когда им было лет по 30. И здесь они соседствовали с представителями когорты их Родителей. Сравним две биографии:

С.С. Витченко, 1909 гр. *Из крестьян Харьковской губ. С 8 лет нас, батрачил. Работал слесарем на шахте. С 1931 по 1955 г. служил в погранвойсках; в звании полковника демобилизован, видимо, в ходе сокращения ВС СССР.*

<sup>15</sup> См. Экономическая история СССР: очерки. Рук. авт. коллектива Л.И. Абалкин. М.: ИНФРА, 2007, с.18, 421.

<sup>16</sup> См. За высоту — высота. М., 1976, с. 158, 165, 176.

<sup>17</sup> За высоту — высота..., с. 364-367.

<sup>18</sup> НХ РСФСР в 1988 г..., с. 40.

<sup>19</sup> Научно-технический прогресс в СССР..., с. 22.

<sup>20</sup> Гордон Л.А., Назимова А.К. Рабочий класс СССР. Тенденции и перспективы... М., 1985. Цит. по: Польшов М.Ф. Исторические предпосылки перестройки в СССР /1946 - 1985/ гг. СПб: Алетейя, 2010, с. 238.

<sup>21</sup> Дмитренко Т.А., Корнаковский И.Л. Правофланговые советского рабочего класса. М., 1983, с. 22.

*В 50 лет пришёл на «Электросилу» слесарем. Рационализатор, руководитель бригады коммунистического труда. С 1963 по 1977 г. — бригадир-наставник, подготовил 150 молодых рабочих. Автор книги «Дорогие мои мальчишки». В 1974 г. удостоен звания Героя Социалистического Труда.*

Такого же высшего звания была удостоена по итогам 9-й пятилетки представительница следующего поколения — Е.Я. Демидова, 1940 г.р. *Уроженка Великолукской области. В раннем детстве пережила оккупацию. Отец, партизан Великой Отечественной войны, умер сразу после Войны. Мать растила семерых детей, в 1954 г. погибла, защищая от бандитов сельскую сберкассу. Екатерину взял в семью брат, механик ленинградской типографии. В 17 лет Екатерина пошла на фабрику-школу, с 1959 по 1979 гг. работала ткачихой на фабрике «Рабочий». Вступила в партию. Избрана председателем Ленинградского ОК отраслевого профсоюза. Член ЦРК КПСС<sup>22</sup>.*

Между датами рождения С. Витченко и Е. Демидовой разница в 31 год. Но было то общее в их биографиях, что не позволяло предположить что-либо вроде конфликта поколений, если бы эти люди сталкивались непосредственно. Оба имели трудное, трудовое ДЕРЕВЕНСКОЕ ДЕТСТВО И ОТРОЧЕСТВО, КОГДА ЧЕЛОВЕК ФОРМИРУЕТСЯ. Так, поворот от голода и войны, от послевоенных лишений в первой биографии пришёл на начало 1920-х гг., на возраст 12-13 лет. Во второй биографии — на 1953 г., то есть — на тот же возраст.

Другие материалы ленинградской «Рабочей энциклопедии» подтверждали наблюдение о значении трудового крестьянского начала. Из 10-ти уроженцев 1939-47 гг., включённых в справочник, лишь один был изначально городской. Хотя на дворе было уже начало 1980-х гг., а рабочий класс СССР уже 10 лет как перешёл к самовоспроизводству.

Выбор профессии большинство описанных в справочнике передовиков-мужчин делало до или сразу после срочной армейской службы. По профессиям и отраслям впереди оказались строители и слесари-монтажники предприятий по изготовлению строительных конструкций. Четыре человека относились к металлистам (3 станочника и слесарь). Одна — к сельскому хозяйству, доярка. Распределение нормальное для промышленного центра и его области.

Больше половины из десяти лиц интересующих нас годов рождения были БРИГАДИРАМИ коллективов, работавших на один наряд, с овладением смежных профессий. Половина — коммунисты, имевшие по несколько общественных ролей, вплоть до представительства в Верховном Совете РСФСР и в Лен. ОК КПСС. Все были награждены медалями и орденами, Государственными премиями СССР<sup>23</sup>.

Знакомясь с очерками о знатных тружениках Советской Страны, всегда интересно, что в их отношении к делу шло от семьи, от воспитания всеми сторонами окружавшей жизни и — что от индивидуальных особенностей душевного склада, настроения.

**К психологии труда в зрелом возрасте.** Ясно, что существенное воздействие на сознание людей труда оказывали: возможность (невозможность) заниматься любимым делом, содержание и условия труда. Но — и весь строй экономических отношений, каким он представлялся сознанию работников, их малых социальных групп (звеньев, бригад), профессиональных отрядов, социально-профессиональных слоёв. И классов?

Изнутри зная рабочую среду 1960-х — начала 1970-х гг., затем — конца 1980-х, свидетельствую: несмотря на немалое социальное сближение общественных классов и основных слоёв, границы между ними в сознании людей оставались ещё существенными. В пограничных слоях трудно было отличить рабочего с высшим образованием от конструктора, участвующего

в сборке разработанного им устройства. Но между средним по квалификации, по характеру труда рабочим и, скажем, технологом того же предприятия значительные различия в образованности, в содержании и характере труда, в общественной активности, в культурных интересах БЫЛИ. Это зафиксировано и личностными источниками, и СМИ, и социологами, и художественной литературой.

Это порождало психологию разделения на «мы» и «они», с обеих сторон. Острота «неантагонистичного» противоречия была различной, — от ненависти-презрения до насмешливого неприятия. С другой стороны, дикой бывала ситуация, когда прораб был хам, невежда и пьяница, как и худшие из подчинённых ему рабочих. Тогда его служебное превосходство оставалось единственным и уже мало важным различием. И считались с ним лишь нехотя, формально.

Но было и нечто существенно общее у масс людей разного социального положения в годы «застоя». Если рабочего подгоняла в труде сделщина, а расхолаживала её уравнительность, то легионы новоиспечённых спецов-РВ, приходивших с 1960-х гг. в КБ, ГИПРО, НИИ отраслевые, быстро усваивали девизы, ревавшие в обыденном сознании над страной: «А нам всё равно...»; «Где бы ни работать, — только б не работать»; «Надо так устроиться, чтобы работать поменьше, а получать /денег, иных благ/ побольше»; «От работы кони дохнут»; «Работа — не волк, в лес не убежит»; «Работа — не х., стоит»

Отчасти за этим скрывалось непонимание, а то и неприятие советского строя, его логики, системности, исторической оправданности возникновения социализма в СССР. Об отвлечённостях, вроде «свободы», «подлинного прогресса», «гуманизма», «велениях времени» нам, образованцам, рассуждать было легче и престижнее. Как начали болтать об этом в «оттепель», так и не могли остановиться во весь «застой». Хотя отвлечений-развлечений стало гораздо больше. С ростом благососа подались в горный туризм и альпинизм, на горные речки Севера и Юга, на «третью охоту» за грибами. И везде говорили, говорили... Иные пытались охарактеризовать своё место в этой жизни.

Писатель, обладавший, видимо, гибкой политической психикой, позже писал: «Для среднего обывателя завершённость личности приходит с овладением профессией — вот он, а вне его — остальной мир. Средняя личность может им интересоваться или нет. Интеллектуалу же приходится определять отношения со временем»<sup>24</sup>.

Но, отвлекаясь от социальной принадлежности, есть ведь общий для всех этап вступления в зрелость? Это — уверенное владение профессией, наличие занятия, приносящего достаточный доход для обзаведения своей семьёй, домохозяйством. Осознано своё место в ближней социальной среде, освоены социальные роли. Возрастной психолог уточняет: *К кульминационной фазе развития личности человек подходит под влиянием системы социальных связей, определив своё место в ней, включившись в соответствующий образ жизни, часто отличный от унаследованного. Внешние обстоятельства создают возможность попадания в него, активность (или пассивность) личности использует (или нет) свой шанс.*

*В ранней взрослости всё это творится, в средней — идёт консолидация или пересмотр ролей... Если фундамент знаний и умений прочен, то растёт обучаемость — через понимание, не память. Огромную роль играет труд, поддерживающий тонус, тренированность, желательное — с усиливающейся или сохраниваемой мотивацией и — уже без перегрузок. Отмечены три пика интеллектуальной деятельности между 35-ю и 57-ю годами»<sup>25</sup>.*

<sup>22</sup> Рабочая энциклопедия. Л., 1982, с. 153-154, 159-160.

<sup>23</sup> Рабочая энциклопедия..., с. 150-220.

<sup>24</sup> Коржавин Н. В соблазнах кровавой эпохи... // Дружба народов, 2000, № 12, с. 36.

<sup>25</sup> Рыбалко Е.Ф. Возрастная и дифференциальная психология. Л., 1990, с. 221-226

Внутри спокойных периодов самореализации пролегают овраги кризисов: 33-летия — «куда я иду?», 40-летия — экзистенциальный, «отношений с Богом» — «туда ли пришёл, пройдя половину жизненного пути?». Сигналом тревоги может стать смерть родителей, болезнь... Возникает ощущение глубокого одиночества. Тем более, — если дети духовно далеки. Тогда мужчины зачастую ищут участия у жён, любовниц, навёрстывая то, что не догуляли. Окунаются в новую работу. Срыв при таких поворотах весьма вероятен<sup>26</sup>.

Думается, сказанное было применимо не только к интеллектуалам, имеющим склонность к самокопанию. Когда наша молодёжь 1950-х — 70-х гг., в том числе РВ, самозабвенно терпела лишения, надрывалась на целине, на стройках сибирских ГЭС, она была далека от кризисов сомнений. Ибо у многих была вера в нужность для общества данной работы, радость обретения долгожданной самостоятельности. Главной фигурой, авторитетным «другим» становился бригадир, особенно неосвождённый. Он стоял рядом и чуть-чуть над молодым рабочим, колхозником. 30-40-летние «бугры» разумно расставляли людей, поправляли технологов применительно к практике. И тем осязательнее себя как мастеров своего дела. (Хоть и срывы у зрелых тоже бывали. Нет-нет, да и взбрыкивала их пролетевшая молодость... Но даже по пьянке — больше всего разговоров и споров бывало о работе...).

И на производстве, и в вузовской, и в научной среде помню, что профессионализм и моральные качества НЕПОСРЕДСТВЕННОГО начальника имели для подчинённых (и для дела) самое большое значение. Но с 1970-х годов, помнится, у нового поколения младших и средних руководителей, в том числе из числа РВ, — стало меньше профессиональной грамотности, чёткости, и даже умения общаться с руководимыми. Возможно, из-за худшей вузовской подготовки и сдвига в сознании, ибо самовоспроизводство специалистов отдаляло их от рабоче-крестьянских корней в советской почве. С другой стороны, дело было и в изменении типичных черт характера молодых рабочих, пришедших на заводы с 1970-х гг. Старый мастер цеха ЛЭМЗа Вадим Михайлович Храпов говорил мне определённо: молодое пополнение стало тогда приходиться с неоправданными требованиями по части условий и оплаты труда и не желало годами накапливать производственный опыт, дожидаясь, когда предложат сдать на очередной разряд. Обществовед обобщает: возобладали социальные группы, не помнящие массовых страданий, и возник мировоззренческий кризис<sup>27</sup>. Помнится, коллеги по бригаде НЕ ВЕРИЛИ, что система может рухнуть из-за постоянного распределения незаработанного.

До предела обострили психологическую ситуацию в бригадах и звеньях попытки передать советам бригад распределение заработка согласно КТУ (коэффициенту трудового участия). 14 % членов таких бригад были недовольны порядком распределения зарплат и премий, а 8 % затруднились с ответом<sup>28</sup>.

Болезненно реагировали коллеги-средняки на попытки передовиков, новаторов выделиться из общего ряда: сегодня де выскочка перевыполняет нормы, а завтра их увеличат для всех. В научно-педагогических коллективах речь не шла о зарплате, но — о моральном и научном авторитете. В начале 1980-х гг. старшие члены кафедры истории Советского общества истфака ЛГУ дружно запретили мне предполагать публично, что зрелый социализм будет иметь внутреннюю периодизацию, что мы — лишь на НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ этого большого периода.

Даже в 1987 г., когда Перестройка набирала обороты, при обсуждении моей рукописи об истории деревни 1950-х -70-х

гг. в секторе советской истории академического института по поводу тезиса о ВОЗМОЖНОСТИ присвоения чужого труда в практике отношений между классами и слоями при социализме, — было сказано:

— *Не торопитесь с выводами, не пишите для «послезавтра», новые веяния на самом вершине могут заглухнуть, и всё м.б. повернётся вспять...*

Опять-таки опасения исходили от старших, на целое поколение, докторов наук и профессоров, многое повидавших на своём веку, знающих цену торопливости в теории. Сверстники же в кулуарах заседаний только удивлялись: «Зачем дразнить старших?»

Вот как обобщал суть проблемы «Отцов» и «Детей» специалист в середине 1990-х: *Отношения «Отцов» и «Детей» — это взаимодействие встречных потоков информации и деятельности или передача культурных ценностей. (И нравственных! — Ч.С.) Отношения между поколениями обострились повсюду в 1960-70-е гг. не случайно и из-за больших сдвигов в социальных связях, структурах, и — из-за изменений возможностей социализации, институализации молодых, в ценностных ориентациях, в условиях взаимодействия со старшими, в нормах жизнедеятельности, в требованиях соответствия возрастному статусу. В основе сдвигов — научно-технический прогресс /НТП/, от которого отстала (нравственно) масса, занятая лишь собственным благом. НТП подрывал авторитет старших ≠ отставших, а они воспитывали самодовольных недорослей, пресыщенных варваров. Семья всё меньше воспитывала, и терялась индивидуальность младших. Из трёх типов взаимоотношений поколений по поводу культуры преобладает пока конфигурационный, — с ориентацией молодёжи и большинства взрослых на современность<sup>29</sup>.*

Водоразделы между поколениями не всегда становились баррикадами. Конфликты прорывались наружу, когда у обеих сторон не хватало доброты, терпимости, желания понять другого. Последние же качества не были на первом плане у воспитателей новых поколений в обществе борьбы и натиска на старый мир. Да и заметны были скорее семьи конфликтные, чем обычные. Потому они и усиливали впечатление разорванности связи поколений, начиная с 1960-х гг.

Так было и с поколением РВ. Большая его часть проскрипела тихо, незаметно. Представление же о поколении формировали у окружающих духовные глашатаи, оглашенные (в нецерковном смысле), да хулиганствующие и не вполне нормальные люди. Короче — авангард поколения.

Для каждого социального и политического слоя он был свой. Одни выделялись как рационализаторы и изобретатели на производстве, другие — как новаторы в искусстве. Важной особенностью российско-советского общества, всё дальше уходившего от азиатской патриархальности, было всё меньшее внешнее и внутреннее уважение к прошлому, к старшим, тем более, что знание о недавнем прошлом, прежде всего, для родственников пострадавших, — о злодеяниях сталинизма, подрывало политический фундамент строя. Оставалось применяться к злобе сего дня. Это лучше получалось у молодых и отчасти — у зрелых людей, в частности — у гибких личностей из числа РВ.

Определённое влияние на экономику оказывало такое свойство советского характера, в частности РВ, как молодость и даже крайний инфантилизм. Родители РВ были комсомольцами 1930-х гг., выросшими в «стране-подростке», в которой всё вершила высшая Сила и Мудрость Партии, её вождей. Каждому надо было лишь её видам соответствовать. Так зачем

<sup>26</sup> Абельская Н., Осорина М. Кризис — лекарство от маразма // Петербургский Час пик, 1998, 28 февр.

<sup>27</sup> Кара-Мурза С.Г. Указ. соч., с. 70.

<sup>28</sup> Социальное развитие СССР. 1990, с. 75.

<sup>29</sup> Спасибенко С.Г. Поколения как субъекты общественной жизни // Социально-политический журнал, 1995, № 4, с. 101-104.

было взрослеть? Власть накормит, оденет, даст жильё, — впитали Родители РВ. Отчасти это передалось и их детям. Тем более, что у патернализма 1970-х гг. была щедрее материальная база. Отсюда у некоторых обществоведов на этапе развитого социализма проскальзывали *оправдания малой эффективности нашего строя именно высокой социальной защищённостью трудящихся*.

Прорехи, а то и провалы в народном хозяйстве, осуждаемые на собраниях и в прессе, в официальных документах, беспокоили людей всё меньше. И это тоже был тревожный признак малой зрелости их сознания. Критическое отношение к действительности, в том числе — хозяйственной, не перерастало в активность. Зарплата росла, за 2 зарплаты многие могли купить путёвку «за границу» — в Болгарию, например. Петлёй круговой поруки были связаны подразделения внутри предприятий. Если наша бригада просидела в этом месяце без механизмов, материалов, то мы всё равно просили и получали не только тариф, но и часть заработанного другой бригадой. И наоборот.

Чем привычнее становились недочёты в организации производства, да и всей системы, тем важнее становились для работника условия своего труда и быта на работе, а с 50 лет — размер предпенсионного среднего заработка за три года<sup>30</sup>.

Иначе, на языке товарищей моих по стройке 1963-1972 гг.: *Сиди и молчи, а то начальство всегда найдёт, чем уесть. Пусть пьянь да молодёжь хорохорится, мол: «Была бы шея, а хомут найдётся»...*

Издержками всеобщей занятости, а тем более — нехватки кадров, справедливо называют в экономической истории переманивание работников с одного предприятия на другое прибавками в зарплате, шансом получить жильё, возможностью лучшего снабжения. Администратор знал, что некоторое количество людей надо иметь в штате для отвлечения на работу в деревне, на выполнение городских коммунальных повинностей. В 1985 г. по стране в среднем ежедневно отвлекалось от работы 800 тыс. человек, на зарплату которых уходило 1,7 млрд. руб.<sup>31</sup>

Расцветали «халтуры», шабашки, доставание дефицита у спекулянтов. Мы, РВ, и другие уроженцы 1940-х гг. урывали свои куски от общественного пирога сверх положенного. В целом же незаконные доходы советских граждан в 1989 г. составили 56,5 млрд. руб. или 9 — 10% нац. дохода<sup>32</sup>. Инертность, страх, забота лишь о личном — всё это свойства, явления нашей психики, позволявшие не слишком строго судить окружающую, **не нами запрограммированную**, реальность. А раз не мы её придумали и построили, то кто мог нас осуждать за приспособление её к своим нуждам? Только Закон. Но ему было не углядеть за каждым «несуном» и кустарём-подпольщиком.

Поэтому даже в деревне, традиционно настроенной более скептически, опросы показывали относительно благополучную оценку людьми своего социально-экономического положения. В совхозах Ленинградской обл. конца 1970-х гг. наибольшую удовлетворённость работой высказали 83% механизаторов. Естественно, удовлетворённость полеводов и животноводов была в два с половиной раза меньше. Механизаторы и животноводы жаловались на плохую организацию труда. Первые — и на плохое состояние техники, на 3-сменку; вторые — на слабую механизацию, на перебои с кормами. Для полеводов были тяжелы нагрузки, мал заработок. Сплочённость коллектива признали почти две трети опрошенных. Высока была доля давших положительную оценку отношениям с начальством —

около 80%. Что не исключало отмеченных животноводами и трактористами конфликтов с ним, прежде всего — из-за организации и оплаты труда. На вопрос: «С каким настроением Вы работаете?», — больше половины ответили: «С хорошим»<sup>33</sup>.

Вероятно, ещё более оптимистичным был бы результат опроса колхозников передового хозяйства «Большевик». Автор очерка о его Председателе, 70-летнем Акиме Васильевиче Горшкове, описывает результаты его труда. В домах колхозников газ, ванны, телефоны, телевизоры. Нажила свинarka производственный ревматизм — поставили хозяйкой колхозной гостиницы. Колхоз содержит детсад и интернат. Вобрал в себя слабых соседей, погасил их долги и подтянул. Дети на улицах здороваются со взрослыми. Чисто. Забыто про пьяные драки. В бригадных конторах проходящего напоят чаем. Учителя получают премии. Студентам своим платят стипендии. Колхоз следит за порядком на кладбище.

А.В., как передовик-руководитель, избирался депутатом Верховного Совета СССР 6, 7, 8 и 9-го созывов, дважды — депутатом Верховного Совета РСФСР. Был делегатом XX, XXI, XXIII и XXV Всесоюзных съездах колхозников, был избран в Союзный Совет колхозов.

«Человек должен жить лучше и быть лучше», — говорил Горшков<sup>34</sup>. Читаешь и радуешься за людей этого хозяйства, в том числе — за принадлежавших к описываемой здесь когорте-поколению. Хорошо, что о Горшкове помнят на Владимирщине. 100-летие со дня его рождения отмечали всем районом в 1998 году. На запрос о нём в Интернет-поиске — 44 тыс. ответов.

То, что существовали процветающие хозяйства, благодаря таким людям, как Горшков, давало нашему политическому руководству основания до последнего сохранять колхозно-совхозный строй. Так же, как наличие подлинного авангарда советского народа, прежде всего самоотверженных передовых работников в какой-то мере убеждало и нас, рядовых РВ, в том, что система имеет необъятный запас прочности. Без этой веры и надежды всё рухнуло бы гораздо раньше. И ключевую роль сыграли бы именно ровесники Войны, а не кремлёвские старцы. Последние были сильны, во-первых, инертностью массы в эпоху застоя. Во-вторых, мастерски слепленной из крови 1930-х гг., из организационных ухищрений последующих десятилетий политической системой СССР. В-третьих, своевременным в политическом плане поворотом советской экономики к более полному оветворению материальных потребностей трудящихся.

### Потребители материальных благ

Термин «уровень жизни» появляется у нас официально довольно поздно, сменив собой отчасти термин «благополучие» (или «благосос», как говаривал один мой однокурсник). Научные работы на этот счёт появились, помнится, в 1970-е гг., после провозглашения на XXIV съезде КПСС главной экономической задачи — улучшения жизни советских людей. Тогда обострились проблемы эластичного спроса, постоянных дефицитов из-за неоправданного роста доходов населения, непереносимости планирования, заниженных цен и т.д.

Снабжая учёных и агитаторов материалом, статистики опубликовали усреднённые бюджеты городских и колхозных семей. Но подробные материалы на этот счёт хранились в ЦСУ по-прежнему за семью печатями. (Мой коллега-аграрник принес тогда из отдела бюджетов, такой ответ: «Мы наши данные даже в ЦК (КПСС) не (каждому) даём!»)

<sup>30</sup> См. Рыбалко Е.Ф. Указ. соч., с. 22...

<sup>31</sup> Социальное развитие СССР..., с.83.

<sup>32</sup> Соколов А.К. Трудовая политика на советских предприятиях с середины 1950-х до конца 1980-х гг.: деградация стимулов к работе// Экономическая история: ежегодник. 2003. - М.: РОССПЭН, 2004, с. 121 ...128; Социальное развитие СССР. 1989., с. 127.

<sup>33</sup> В условиях современного сельскохозяйственного производства. Л., 1983, с. 88-92.

<sup>34</sup> Черниченко Ю. Русский чернозём. М., 1978, с. 67-75.

Одним из исходных показателей для оценки уровня жизни населения было **соотношение изменений его численности и — распределяемого объёма материальных благ**. Определяющее значение для формирования представлений о желательном, нормальном образе жизни имело вступление в зрелый возраст с середины 1960-х гг. поколения, воспитанного в основном в индустриализированном городском обществе<sup>35</sup>. Частью его были ровесники Войны (РВ).

Численность населения РСФСР возросла /не без участия РВ/ за 1970-1988 гг. на 17 млн. чел. или на 13%. За 15 доперестроечных лет производство предметов потребления увеличилось на 66%, валовая продукция сельского хозяйства — на 13%. Численность рабочих и служащих стала больше на 24%, колхозников в общественном производстве — сократилась на 26%, так что численность занятых увеличилась на 19%. Занятость в непромышленных отраслях выросла с 24 до 38%. Это говорило о том, что новый курс взят практически.

РЕАЛЬНЫЕ ДОХОДЫ на душу населения выросли по отношению к 1970-му г.: в 1975 г. — на 27%, в 1980 г. — на 51%, в 1985 г. — на 68%. В том числе средняя зарплата в государственном секторе увеличивалась, соответственно, на: 22, 41 и 60%, оплата труда колхозников — на 37, 56 и 111%. Выплаты и льготы из общественных фондов потребления /ОФП/ — на 36, 70 и 106%. Так утверждала официальная статистика<sup>36</sup>.

Можно ли ею пользоваться сегодня? Трудно сказать. С одной стороны, отчётные показатели предприятий и регионов стекались без помех, связанных с уклонением частного от налогов. С другой, — процветали «приписки» объёмов выполненных работ и продукции. Поэтому более реалистичны показатели в натуральном выражении, и — объёмов не производства, а распределения и особенно — накопления и потребления.

Мы, РВ, и старшие наши дети помним, что денежные доходы тогда росли, бесплатное жильё люди получали, цены розничные держались на одном уровне и т.д. Признания в лекциях для специалистов — о сокращении темпов прироста, об инфляции ползучей — всё же не открывали нам широко глаза на нахождение СССР в зоне застоя.

Яснее всего о хозяйственном состоянии говорили полки и витрины магазинов. Периодическое появление западных товаров и постоянное присутствие восточноевропейских товаров в розничной торговле было упрёком и проклятием для нашей легкой промышленности. Так, в дополнение к 800 миллионам пар советской кожаной обуви, произведённой за год, ввозили ещё 200 млн. пар<sup>37</sup>. Ибо прихоти людей росли быстрее, чем возможности нашего хозяйства и чем их (людей) трудовые вклады в общее дело. Не говоря уже о проигрыше советской промышленности Западу по энергоёмкости, материалоемкости.

Статистики пытались убедить советского человека в том, что НД на душу населения в СССР выше, чем в крупнейших странах Западной Европы и составляет 55-56% от североамериканского. Но перестроечный пересчёт показал, что СССР в 1985 г. по валовому внутреннему продукту /ВВП/ был на 68-м месте в мире (около 5 тыс. «международных долларов» на душу населения, или 40% от уровня США), а по личному потреблению — на 77-м месте (2198 «международных долларов» или

около 36% от уровня США)<sup>38</sup>. Четырёхкратное отставание от США по производительности труда сохранялось в течение всего периода застоя. «Средняя семья в 1966-1986 гг. жила в 3 раза «ниже» прожиточного минимума, — добавляли в модном самооплевательском раже демографы, — т.к. не могла обойтись без занятости матери в общественном производстве, имея всего 1 ребенка. Сказывалось и желание женщин быть вне дома, в коллективе (треть женщин не бросила бы работу при возможности не работать)»<sup>39</sup>.

Возможно, не только соревнование с Западом, но и события в Польше повлияли на наращивание доходов населения в СССР. Рабочая частушка после повышения цены на водку подтверждала это:

*Водка стоит шесть и восемь, —  
Всё равно мы пить не бросим!  
Передайте Ильичу: Нам и десять по плечу.  
Ну, а если будет больше,  
То устроим то, что в Польше*

Хвалились, дурачки, но и сами не верили, что что-то устроят. Не было вождей, в генах сидел страх, верили во внешнюю угрозу, власть лавировала, в частности, свёртывая социально-опасную хозяйственную реформу А.Н. Косыгина. Руководство КПСС идёт на то, чтобы усилить «бытовую обособленность» семей. Ежегодно 13% городских очередников получают отдельные квартиры. В них и в отдельных домах жило в 1989 г. уже 88% семей! Быт насыщается предметами роскоши? — Нет: «длительного» пользования. И, как некогда Борис Годунов, власть вместо благодарности получает новый заряд недовольства: критикой «потребительства», унижительным результатом сравнений с Западом, процедурой оформления выездов за границу, уравниловкой образованца с работягой при неравенстве обоих с «элитой», излишней секретностью, цензурой.<sup>40</sup> Психолог в 1990 г. об этом: *Для многих РВ образ жизни изменялся не в лучшую сторону; ник их зрелости пришлось на преувеличенное развитие сферы неквалифицированного «умственного» труда, меньше стало чистых продуктов питания, больше мучного. Застой убаюкивал...*<sup>41</sup>

Убаюкивало и отсутствие необходимости существенно повышать квалификацию несколько раз в течение трудовой жизни. Во всяком случае — для большинства рабочих. Ведь станки с ЧПУ и роботы промышленные, во множестве закупленные, благодаря нефтедолларам, на Западе, у нас не очень-то приживались. В основном — из-за устройства «общественной среды»<sup>42</sup>. Всё перечисленное по-разному влияло на уровень реальных доходов населения.

Самым надёжным для меня открытым источником сведений об уровне трудовых доходов населения служили публикации экономистов на материалах не страны и отраслей, а — предприятий.

Середина 1970-х гг. Обследование нескольких групп ткачих льнокомбината г. Нерехта. Одна группа — в среднем 35-летних, 1941 г.р., то есть — РВ. Образование — 5,8 класса. Стаж по специальности — 16 лет. Общий стаж — 17 лет, то есть пошли работать не позже 1958 г., в 17 лет. Доход в семье на 1 чел. — 66 руб. Жилой площади на 1 члена семьи — 7,4 кв.м. Количество несовершеннолетних детей — по одному на семью.

РЯДОМ — другая группа, 39-летних, то есть 1937 г.р. Всего

<sup>35</sup> Кара-Мурза С.Г. Указ. соч., с. 49.

<sup>36</sup> Народное хозяйство РСФСР в 1985 г. Стат. ежегодник. М., 1986, с. 21, 233.

<sup>37</sup> Ковнир В.Н. Указ. соч., с. 414.

<sup>38</sup> Аргументы и Факты /АиФ/, 1990, №3, с. 7.

<sup>39</sup> Улюкаев А. Не гнаться, а сверять свой курс // Коммунист, 1989, № 7, с. 127.

<sup>40</sup> Боффа Дж. От СССР к России. История неоконченного кризиса. 1964-1994. — М.: Междунар. отношения, 1996. С. 67, 72-74.

<sup>41</sup> Рыбалко Е.Ф. Указ. соч., с. 72-76.

<sup>42</sup> Калашников В.В. О жизненности принципов исторического материализма. Доклад в Респ. гуманитарном ин-те СПбГУ 19 ноября 2001 г. См. также: Санкт-Петербургские ведомости, 2001, 25 авг.

4 года разницы — и большие социальные различия между группами: образование в среднем по 4,1 класса (начинали или не начинали учиться в Войну); по 24 (!) года общего стажа, т.е. начали работать в 15 лет, в 1952-м; зарплата — на 2 рубля больше, чем в первой группе, не 105, а 107 рублей, но душевой доход ниже — 51 рубль, т.к. в семье по 1,8 ребёнка. Вот что такое возрастная когорта!

Следующая группа — 41-летних, 1934 г.р., и опять — очень большая разница в характеристиках: при равной почти зарплате с предыдущими группами душевой доход — 110 рублей! Жилья — по 13,1 кв. м на человека! Почему? Так ребёнок-то у них всего по 0,4... Или бог не дал, или выросли и ушли дети, если рано родились. **Три когорты — три равных зарплаты — и три уровня жизни.**<sup>43</sup>

В том же сборнике — статья о рабочих «сквозных профессий» Костромы. Их средний возраст (40 лет) сложился из 27- и 43-летних, т.е. они — далеко не РВ. Срок профподготовки у людей в анализируемой группе разный, от полутора до шестнадцати месяцев, разрядность — от 0,5 (?) до 4,9, стаж по специальности — от 6,3 до 18 лет, образование общее — в среднем около 6,5 лет. При столь больших различиях зарплата колебалась лишь на 11 рублей от среднего уровня в 105 р. Вот что такое уравниловка в конкретном случае. РВ как средние по всем показателям шли в середине группы и по зарплате. При небольшом разбеге доходов главным фактором душевого дохода становился количественный состав семьи<sup>44</sup>.

Доказав, что РВ были в срединном положении в эти годы не только по возрасту, я уже смело отношу к ним то, что писалось об изменениях в среднем уровне жизни советских людей. Один из самых правоверных советских общественных деятелей в 1980 г. писал, что *тов. Сталин в 1952 г. считал, что достаточно будет увеличить в 2-3 раза зарплаты рабочих, чтоб подготовить вступление в коммунизм. И продолжал от себя: не след нам гнаться за сверхпотреблением индивидуалистичным Западом; их экономическое чудо неповторимо, ибо они использовали НТР и орабили колонии; мы же будем скромнее материально, но богаче духовно. Наш идеал — гармония духа, равновесие и богатство отношений. В социалистическую модель потребления можно включать лишь то, чем могут обладать все...*<sup>45</sup> /Выделено мной — Ч.С./

Прошедшие с тех пор 10-летия вроде бы подтверждают эти оценки, — за исключением предположения Сталина. Но — применительно к идеальному, не существующему, социализму. Ведь рост показателей, который вождем казался достаточным для подготовки вступления в Коммунизм, был достигнут к середине 1980-х гг. (За 30 лет средняя зарплата выросла в 2,65 раза, с 72 до 190 рублей в месяц; низшая — в 3,5 — 3,65 раза, оплата труда в колхозах за 1960 — 85 гг. с 28 до 153 рублей или в 5,4 раза.)<sup>46</sup>

Вот более разносторонние среднесоюзные данные о «преобразовании условий труда и быта» к 1980 — 1981 гг., когда проводился опрос в 28 регионах 8 республик.

ДОМАШНИЙ ТРУД. Им были заняты женщины и процентов 10 мужчин в семьях. В частности, мужчины чаще занимались ремонтом, заготовкой топлива. Полная кооперация, с привлечением детей и старших членов семьи отмечена в 30% се-

мей. Наличие детей увеличивало время на домашнее хозяйство на 1/5. Большие различия в затратах времени между городскими и сельскими семьями наблюдались по строке «Закупка продуктов» (у горожан — в 3 раза больше) и по заготовке топлива — во столько же раз больше в деревне. Время на работу в ЛПХ, на загородном участке, затрачиваемое городской и сельской семьей соотносилось как 2:5. Работа для дополнительного заработка занимала, якобы, в среднем 4 часа в неделю на семью из 2-х взрослых. В целом быт был сферой приложения труда, занимавшего 250-260 млрд. часов в год. На покупки тратилось до 37 млрд. часов в год. В денежном выражении домашнюю работу оценивали в 90 руб. на семью в месяц только по основным операциям<sup>47</sup>. В значительной мере — из-за малой ОБЕСПЕЧЕННОСТИ БЫТОВОЙ ТЕХНИКОЙ.

Но и она росла, выводя на качественно новый образ бытования. На 100 семей приходилось в 1970 и 1987 гг. в РСФСР соответственно: телевизоров — 52 и 106, радиоприёмников — 74 и 101, магнитофонов — 8 и 44, холодильников — 30 и 96, стиральных машин — 52 и 76, пылесосов — 11 и 43<sup>48</sup>, часов — 433 и 554, швейных машин — 58 и 67, легковых автомобилей — 2 и 15, мотоциклов и мотороллеров — 8 и 15, велосипедов и мопедов — 50 и 53, фотоаппаратов — 30 и 36.<sup>49</sup>

Различия между городскими и сельскими семьями были существенны. В 1980 г. в Орле и области приходилось на 100 семей соответственно: подписок на книжные издания — 12 и 6, пианино — 8 и 1,5, легковых авто — 8 и 4, мебельных гарнитуров — 16 и 7. Имели место различия между семьями рабочих, колхозников и служащих. Соответствующие показатели также на 100 семей: подписные издания — 6,4 — 4,7 — 16,4; пианино — 1,3 — 0 — 6; легковые автомобили — 3,6 — 1,9 — 12. Всего в домашних хозяйствах было до 1 млрд. бытовых машин. Возрастала активность покупателей мебели в связи с получением жилья. До половины семей имела ковры. Весьма вероятно, выше была обеспеченность ими полных семей СРЕДНЕГО возраста.

Многомиллионный парк бытовых машин требовал ремонта и обслуживания. И кустарные мастерские превращаются, по постановлению Правительства, в механизированные предприятия, комбинаты. СЛУЖБА БЫТА оказывала населению до 600 услуг. Объём реализации в отрасли возрос за 15 лет примерно в 2,6 раза, а на 1 жителя РСФСР — с 16 до 39 руб.; в сельской местности — с 8 до 30 руб.<sup>50</sup> С. Перестройки в рубрике бытовых стали учитывать услуги транспорта, связи, жилищно-коммунальные, детских дошкольных учреждений, культуры, туристско-экскурсионные, в области физкультуры, здравоохранения, права, финансов и др. И на душу населения пришлось услуг не на 39, а на 140 рублей в 1985 г. Примерно 71% всех затрат населения уходило на оплату бытовых, жилищно-коммунальных и транспортных услуг<sup>51</sup>.

В городе и на селе многие постоянно пользовались ТРАНСПОРТОМ для поездок в другой населенный пункт (в 1980 г. % жителей, соответственно): на работу и учебу — 16 и 21, за покупками и для продажи — 14 и 59, за бытовыми услугами — 4 и 9, на лечение — 8 и 16, в театры, кино, на концерты — 4,9 и 4,6, в учреждения, организации — 3,2 и 4,7. За 1975-1985 гг. объём транспортных услуг увеличился в 2 раза (благо они были доступны по цене).

<sup>43</sup> Ибрагимов А. Таксономический анализ социально-экономических факторов производительности труда //Методы анализа, сбора и обработки социально-экономической информации. М.: ЦЭМИ АН СССР, 1976, с. 38-45..

<sup>44</sup> Кузнецова К.С., Петрова Н.А. Сравнительный анализ квалификации рабочих методом главных компонент //Методы анализа, сбора и обработки ..., с. 21 — 30.

<sup>45</sup> Ципко А. Социализм: жизнь общества и человека. М., 1980.

<sup>46</sup> Ракицкий Б.В., Шохин А. Н. Закономерности формирования и реализации трудовых доходов при социализме. М.: Наука, 1987, с. 59.

<sup>47</sup> Социальная сфера: преобразование условий труда и быта. М.: Наука, 1988, с. 190 — 200.

<sup>48</sup> Социальная сфера..., с. 202.

<sup>49</sup> РСФСР в цифрах в 1987 г. Краткий стат. сб. М., 1988, с. 117.

<sup>50</sup> НХ РСФСР в 1985 г., с. 298.

<sup>51</sup> РСФСР в цифрах в 1987 г., с. 118.

ЖИЛЬЁ. Три пятилетки и 4 года Перестройки в России удавалось удерживать ежегодный ввод жилья на уровне в среднем 60 млн. кв. м общей площади. Более 1/4 этого объёма вводилось в селе. Численность лиц, улучшивших жилищные условия, простиралась до 90 млн. человек. За 1980-е гг. полезная площадь на 1 жителя городов увеличилась с 13,2 до 15,4 кв. м, а на селе — с 13,8 до 17,3 кв.м. Тогда же обеспеченность городского жилья горячей водой увеличилась с 37 до 75%, количество газифицированных квартир — с 11,7 до 34,7 млн.<sup>52</sup> И всё же до полного всестороннего благоустройства в городах, особенно в малых, было далеко.

Свои жилищные условия 13% населения оценивало как плохие (среди молодежи — 18%). Я тогда относился к слою научных работников, 52% коих жили в отдельных квартирах. В среднем эта категория имела 10 кв. м на человека, и немудрено, что 42% было не удовлетворено жилищными условиями. Особенно обделено удобствами было сельское население. Здесь в 1981 г. только 4% жилья имели все удобства, тогда как в городах — 45 %.<sup>53</sup>

Зато с принятием программы подъёма Нечерноземья РСФСР каждый трудоспособный человек мог получить бесплатно отдельный дом, если готов был или вынужден был переехать из города в село. Я сам строил в 1980-е гг. в совхозах, и видел, что целые улицы домов пустовали (Бокситогорский, Солецкий районы). Так что жилищная нужда объяснялась в 1980-е гг. уже не отсутствием квартир, домов, а желанием большинства жить в больших городах. Громадным преимуществом их был широкий выбор занятий, обеспечивающих большие доходы, чем в иных местах расселения.

ДОХОДЫ И РАСХОДЫ СЕМЕЙ. Реальные доходы населения росли в среднем на 3% в каждый из 1970 — 1980-х гг. Якобы быстрее, чем доходы, — на 0,5 — 1% — прирастала производительность труда. Среднемесячная зарплата выросла за 1970 — 1987 гг. со 126 до 214 рублей. Но разница в оплате разных видов труда была достаточно велика.

Выше среднего по уровню зарплат шли, как и прежде, транспорт, строительство, промышленность, наука; около средних показателей находились: кредит, управленцы, связь, сельское хозяйство; дальше, в порядке убывания зарплат, но, видимо, в порядке возвышения морального удовлетворения (?) тянулись: торговля и искусство, народное образование и здравоохранение, а также ЖКХ; культура с ее 116 рублями в месяц ползла в таком ничтожестве, что не удивительны результаты её деятельности в 1990-е годы, когда всё заволокло разрешённая пошлость. Среднемесячная оплата труда колхозников увеличилась за 1970-1987 гг. с 79 до 189 рублей.

К 1987 г. средний показатель доходов с добавлением льгот и выплат из ОФП достиг в госсекторе 304 рублей, у колхозников — 277 рублей.<sup>54</sup>

К вопросу об уравниловке: минимальная зарплата составляла в 1955 г. 29% от средней, в 1968 г. — 44%, в 1985 г. — 39%. Доля доходов, распределяемых ПО ТРУДУ, у рабочих и служащих снизилась за 1960-1985 гг. с 75 до 70%, в колхозах же формально выросла с 44 до 55%. Всё это прослеживается и по разнице в тарифных ставках по разрядам рабочих, и по отношению высших зарплат к низшим: с 7,24:1 в 1946 г. до 3:1 в 1985-м... Среди работников среднего возраста различия отмечались незначительные — свыше 160 руб. в месяц получали примерно

70%, свыше 200 руб. — 30%. Так было на предприятиях крупных, принадлежавших к ведущим подотраслям. Однако, как было показано выше, состав семьи рабочих среднего возраста снижал месячный душевой доход. Поэтому материальным положением удовлетворены были: 3/4 пожилых кадровых рабочих, 2/3 рабочих средних лет и менее половины молодых. Ибо пожилые сравнивали достигнутый уровень с реальным прошлым, а молодые — с идеалом завтрашним и (чтобы не сказать: **с Западом**) — со стихийно складывающимся групповым стандартом<sup>55</sup>. Верно говорил отец писателя В. Крупина: *«Рождение твоих лет и старших с нынешними большая разница. Которые всю ночь в очередях не простаивали, ... тем ничего не докажешь. А нынешние — шитят из подворотни, что им всего не хватает»*<sup>56</sup>.

В условиях дефицитов при оценке материального положения снижалась роль денежных показателей. Социально-дифференцирующими признаками становилось обладание: легковым авто, сложным туристским снаряжением, цветным телевизором (тут разница была 8-10-кратная между крайними по достатку группами). Изменяется отношение к вещам: одежда, предрекали, в ближайшие годы будет служить в полтора раза меньше срока. (Синтетику, о косях мечтали в 1960-е гг., начинали сменять натуральные ткани.) Было замечено, что потребности сближаются быстрее, чем различия в доходах между группами. (Значит, у уравниловки было больше «друзей» внизу, чем «врагов» наверху пирамиды).

По результатам социальных исследований, можно судить об оценках своего материального положения группами:

7% — можем позволить себе всё;

16% — то же, кроме автомобиля;

40% — в основном, доходов хватает; откладываем на ТДП («товары длительного пользования»);

24% — хватает на ежедневные расходы;

10% — «тянем» от зарплаты до зарплаты.

Таков был результат социальной политики КПСС, выравнивавшей трудовые доходы. (За 1968 — 86 гг.: в 6 раз уменьшился УВ работников с зарплатами менее 80 р./мес. и во столько же раз увеличился УВ группы с зарплатами 200-300 р./мес.; в 2 раза уменьшилась зарплатная группа 80-100 — рублёвая и — вдвое же увеличилась — 140-200-рублёвая...<sup>57</sup>

Итак, **у нас был большой «средний класс»** между двух крайних групп, СОПОСТАВИМЫХ ПО ЧИСЛЕННОСТИ, **состоявшийся из двух слоёв**. Думаю, РВ и другие 35-40-летние находились большей частью в слоях этого среднего класса, чуть-чуть упавшая в низшую по самооценке группу, но и «выпрыгивая» временами во 2-ю группу сверху. Например, так было у служащих: до 80 руб./мес./чел. имели 14% малоквалифицированных и 6% спецов, но свыше 120 руб. — 30% МАЛОКВАЛИФИЦИРОВАННЫХ и 39% спецов. Зачем же было учиться?

Из колхозников до 120 руб./мес./чел. дотягивало лишь 17%<sup>58</sup>.

К середине 1980-х, когда советскому человеку уже мало стало душевного комфорта благодаря экономическим «отношениям товарищеской дружбы и взаимопомощи» и отсутствию безработицы, социологи и психологи задумались о модели **субъективного ощущения благополучия общества**<sup>59</sup>, но не успели её продвинуть в массы. Ибо общество залихорадило Перестройкой...

<sup>52</sup> НХ РСФСР в 1985 г., с. 246, 250; РСФСР в цифрах в 1989 г. М., 1990, с. 96.  
<sup>53</sup> Социальная сфера..., с. 273.

<sup>54</sup> РСФСР в цифрах в ...1987 г., с. 103-104; ... в 1989 г., с. 12, 44-45.

<sup>55</sup> Комаровский В. В. Указ. соч., с. 33-34.

<sup>56</sup> Крупин В. Во всю Ивановскую, с. 391.

<sup>57</sup> Кара-Мурза С.Г. Указ. соч., с. 71.

<sup>58</sup> Социальная сфера ..., с. 219 и др.

<sup>59</sup> Петрушина И.Ю. Субъективные показатели качества жизни в процессе изучения социальной структуры // Методы изучения социальной структуры общества. М., 1984, с. 84.

Тут надо вернуться к бюджетам семей. В соответствующем статсборнике приведены средние показатели по материалам выборочного обследования 32 тыс. бюджетов семей во всех регионах. Материал пригоден для характеристики РВ. Ибо в сборнике содержатся данные за 1980 — 1988 гг., когда условному РВ было 37 — 45 лет. Если он родил ребенка в 1965 г., тот, 20-летний в 1985 г., жил, возможно, отдельно. А если ребёнок появился в 1976-м? Тогда ребёнку в середине 1980-х гг. было ещё 9 лет, и он был третьим в нуклеарной семье. Если не было ребёнка, то жил, возможно, вместе с супружеской парой РВ один из их родителей. Опять — семья из 3-х человек, что соответствует средним размерам семей за 1980-е гг. (то есть количеству человек на 100 семей)<sup>60</sup>: рабочих и служащих — 282-291,

из них у промышленных — 269-282,  
в совхозах — 345-350,  
колхозников — 321-339.

Подходят средние данные о структуре семьи и к модели семьи РВ. Если в последней работали муж и жена, а ребёнок учился, то удельный вес /УВ/ трудоспособных был равен 66%, а иждивенца — 33%. Если ж ребёнок вырос, а в семье РВ оставался один из их родителей, то 33% — его УВ, но не как иждивенца, а — пенсионера. На деле УВ трудоспособных был меньше вышеприведённого, а именно: 60% и чуть больше в семьях рабочих и служащих, 56,5% — у колхозников и 51,5% в совхозных семьях. Так сложилось из-за большего, чем 1/3, УВ иждивенцев, плюс около 5% пенсионеров, плюс примерно 1,5% стипендиатов в семьях рабочих и служащих. В колхозных семьях УВ иждивенцев (— детей) был чуть ниже, то есть 31%, а пенсионеров — раза в 2 с половиной выше семей рабочих и служащих<sup>61</sup>.

Нельзя забывать и о перераспределении доходов внутри семей, точнее — между членами семей, живущими раздельно. Уроженцы 1940-х гг. поведали социологам, что старшим, прежде всего родителям, помогают 30% опрошенных, а детям, живущим отдельно по тем или иным причинам — 76%.<sup>62</sup>

Грубо говоря, доход семьи в 1980-е гг. в среднем равнялся 5 тысячам рублей в год: зарплаты составляли около 4 тыс. руб., пенсии, стипендии и пр. составляли рублей 500 у рабочих и служащих, 400 руб. у колхозников. Доход от личного подсобного сельского хозяйства был рублей 350 у рабочих и служащих и примерно 1000 руб. у колхозников.

Насчёт «доходов из других источников» респонденты сообщали, что у рабочих и служащих они на уровне 310 руб. в год, у колхозников — 190<sup>63</sup>. УВ оплаты труда в общественном секторе рабочих и служащих держался на отметке 83%, у колхозников — рос, с 54 до 60%. Вес других государственных выплат составлял примерно 9%. У всех категорий несколько увеличился УВ доходов от сторонних заработков. У сельскохозяйственных семей снизился вес доходов от ЛПХ, составляя до 13,5% у «совхозников» и 22-23% в колхозах. Горожане вели символическое «рекреационное» садоводство-огородничество, имея от него меньше 1% доходов<sup>64</sup>. То есть, существуя в основном за счёт доходов от общественного сектора, домохозяйства всех категорий, и, прежде всего, — людей в самом трудовом, среднем, возрасте, начали наращивать индивидуальную трудовую активность и даже показывать её анонимно при обследованиях.

В региональном плане впереди по уровню доходов насе-

ления шествовали Северные и приравненные к ним территории, затем Урал, далее — Европейская часть РСФСР, не считая отставших Поволжья, Северного Кавказа (!) и столичной области, что теперь звучит вовсе неправдоподобно. Но региональные различия не шли ни в какое сравнение с нынешними. В 1990 г. средний доход жителя Горьковской обл. составлял 72% от московского. А в 1999 г. — 17%!<sup>65</sup>

РАСХОДЫ. В семьях работников госсектора в 1980-е гг. быстрее росли расходы на непродовольственные товары и на накопление. Нарастал неудовлетворенный спрос. Государство, прогорая, всё же сохраняло дотации на заниженные цены на продовольственные товары, и расходы на питание снизились примерно с 34 — 35 до 31%, на алкоголь тратили рубля по 4 с сотни. Накопления выросли до 9% у рабочих и служащих, до 11% — у совхозников и до 18% — у колхозников. Региональный диапазон государственных и кооперативных розничных цен был невелик, наибольший — лишь по хлебу, от 60 коп. за 1 кг на Севере до 28 коп. в Восточной Сибири<sup>66</sup>. В ряде регионов и для богатых групп населения не только этими ценами определялись расходы на питание, а также ценами «колхозных» рынков и индивидуальной торговли вразнос. Мы же, рядовые советские рабочие и служащие, предпочитали полу-гнилую картошку в магазине по 10 коп. за килограмм лучшей, но — по 20-40 копеек на рынке.

В результате осуществления аграрной и социальной политики КПСС, за 1970 — 1987 гг. выросло в РСФСР среднегодовое потребление на душу населения:

мяса и мясопродуктов (последние в просторечии называли «уха, горло, нос, сиська, тиська, хвост») — с 50 до 69 кг, молока и молочных продуктов — с 331 до 369 кг, яиц — со 182 до 311 шт., рыбы и рыбопродуктов (в том числе — пород «легкого поведения», например «бельдюга и проститома») — с 18,6 до 22,5 кг, сахара (в безмясной провинции «заменявшего» мясо и масло) — с 41,5 до 49,5 кг,

растительного масла — с 7 до 10 кг, овощей — с 82 до 96 кг, фруктов — с 36 до 54 кг.

Потребление хлеба и картофеля сокращалось.

Различия между семьями рабочих и колхозников существенные были по хлебу, картофелю, мясу и рыбе.

Продажа на душу населения (не скажу «потребление», ибо не знаю, сколько гнали дома) алкоголя изменилась в 1970-1985 гг. так: водки и коньяка — с 13 до 12 литров в год, вина — с 15 до 17 литров, пива — с 16 до 25 литров в год, сигарет и папирос — с 3 до 5 штук в день<sup>67</sup>. Немало было не только юнцов, но и взрослых, для которых не труд, а количество выпитого и испытанных потом приключений было «делом чести, доблести и геройства». И — главной Темой при встрече с коллегами или соседями, родственниками назавтра! Водкой и вином не только расслаблялись после действительно тяжкой работы, не только сопровождали традиционные празднования, — ею ЗАЛИВАЛИ ВОЗРАСТАВШУЮ ПУСТОТУ ДУШИ. Не полезно это было и для физического здоровья.

ЗДОРОВЬЕ И ПОВЕДЕНИЕ, влиявшее на физическое и душевное состояние. Перестройка с её гласностью, оказавшейся самоубийственной для строя, выявила, что у 60 — 70 % занятых в народном хозяйстве СССР обнаружены хронические заболе-

<sup>60</sup> Бюджеты семей рабочих, служащих и колхозников за 1980, 1985-1988 гг. М.: Респ. информ.-изд. центр Госкомстата РСФСР, 1989, с. 7

<sup>61</sup> Там же, с. 191.

<sup>62</sup> Социальная сфера..., с. 293.

<sup>63</sup> Бюджеты семей..., с. 8, 17.

<sup>64</sup> Там же, с. 18, 205.

<sup>65</sup> Кара-Мурза С.Г. Указ соч., с. 81.

<sup>66</sup> Бюджеты семей..., с. 72, 107.

<sup>67</sup> РСФСР в цифрах в 1987 г. с. 93, 114 (подсчёт).

вания и функциональные нарушения нервной системы и внутренних органов<sup>68</sup>.

Напоминаю: численность населения РСФСР увеличилась за 1971 — 85 гг. в 1,1 раза. Рассуждая формально, для улучшения охраны народного здоровья надо было бы, чтоб рост значимых показателей в отрасли был больше 10%. И он таки был больше: численность врачей увеличилась примерно с 380 до 650 тыс., т.е. в 1,7 раза, среднего медперсонала — на полмиллиона, т.е. больше, чем в 1,4 раза, больничных коек — на 1/3. Вероятно, это улучшало медобслуживание среднестатистического пациента, ибо относительное число госпитализированных почти не изменилось (24 — 25 на 100 человек за год, т.е. каждый 4-й), как и охваченных амбулаторной помощью дома и в поликлиниках (10-11 посещений последних приходилось в год на 1 человека).

На 1/5 больше стало проходящих через периодические осмотры. Но здесь многое зависело от отрасли и даже от начальства конкретной конторы. За 20 лет работы на стройке (1963-72 и 1987 — 98) меня и товарищей медики «не тревожили»; дольше года с нами в бригаде работал туберкулезный, освободившийся из заключения... В ЛГУ, в системе АН СССР (1972 — 87) — иное дело, были свои поликлиники. Под диспансерным наблюдением находилось в 1970 г. 16 млн., а в 1985-м — 36 млн. человек. Позволяло ли это раньше выявлять заболевания, лучше лечить? На первый вопрос некоторые специалисты отвечают: да. На второй: сил и средств де не хватало на последовательное лечение выявленных в ходе осмотров недугов. Так же скептически была их оценка роста коечного фонда и медперсонала: он (рост) поглощал средства, необходимые для улучшения качества медицинского обслуживания. И в относительном выражении финансирование отрасли сократилось с 6 % ВВП в 1960-е гг. до 3 % в конце 1980-х.<sup>69</sup> Думаю, не здесь и не мне отвечать определённо на столь специальные вопросы.

Проще фиксировать региональные особенности: при росте среднероссийской обеспеченности врачами с 29 до 45 на 10 тыс. населения крайние показатели были в 1970 г.: 7,6 в Усть-Ордынском Бурятском автономном округе и 46,9 — в Корякском. Или: в Северной Осетии было 42 врача на 10 тыс. населения, а в Чечено-Ингушетии — 18. Почему? Ответы могли бы дать либо администраторы этих регионов, либо этнографы. Как это сказывалось на количестве и качестве медицинских «услуг»? Отклонения от среднего сохранялись и к 1986 г. (28 врачей на 10 тыс. человек в Чечено-Ингушетии, 65 — в той же Осетии. О Москве с показателем 104 и о Ленинграде с 86-ю врачами на 10 тыс. — что говорить, — столицы). О больничных койках на 10 тыс. населения: от средней величины 113 в 1970 г. были отклонения в обе стороны от 75 до 263, а в 1985 г. — от среднего показателя в 135 коек местные отклонения составляли от 112 до 288<sup>70</sup>.

К концу 1980-х гг., по мнению врачей, 11 тыс. медучреждений, от 37 до 57% поликлиник и больниц испытывали недостаток в основном, не уникальном оборудовании. В 1989 г. из-за временной нетрудоспособности ежедневно не работало 2,7 млн. чел., в том числе 0,6 млн. — из-за ухода за больным ребёнком, реже — за взрослым членом семьи. Менее 1/3 всех освобождённых от работы из-за болезней в 1980-е годы «буллетенили» по причине гриппа и простуд, близко к 9% — из-за болезней систем кровообращения и непроизводственных травм (о производственных молчали, кроме самых серьёзных случаев, которые не скрыть). Когда меня в 1988 г. привалило в траншею на прокладке трубопровода и сломало ключицу, командир стройбата запретил составлять акт, дал посидеть неделю дома

и всё). Число пострадавших на производстве составляло, по официальным данным, к концу 1980-х 79% от уровня 1980 года. Затраты на охрану труда составляли больше 3 млрд. руб. в год, но, как и в предыдущие 10-летия, начальство не любило, да и сами рабочие не уважали коллег, излишне пекущихся о безопасности как чистюль и трусов. На первом плане был сегодняшний результат, как правило, достигаемый на стройке благодаря нарушениям правил безопасного труда. Навсегда словесным памятником той эпохе останется весёлая народная мудрость:

*Умер Максим — ну, и х. с ним!*

*Положили его в гроб, — и мать его «грёб»!*

С другой стороны, — рабочим давали путевки в первую очередь, даже если в профкоме большинство составляли «конторские крысы», т.е. служащие. И в 1989 г. в санаториях, домах отдыха побывало 13 млн. человек, на турбазах — 23 млн. Около 15 млн. наших детей выезжало летом в пионерские и школьные лагеря<sup>71</sup>. Может быть, мы тогда прогуляли фонд потребления не по своим трудовым заслугам, растратили его /фонд/ на поколение или два вперед...

Переходным мостиком от официальной статистики здравоохранения к самооценкам людей их здоровья являются данные о заболеваемости в 1980-е гг. Моложе стали люди, подверженные заболеваниям органов кровообращения; 10--15 % взрослых имели повышенное артериальное давление, 6% лиц в трудоспособном возрасте страдало ишемической болезнью сердца. Смертность мужчин от несчастных случаев в 7 раз превышала тот же показатель у женщин.

Главным фактором состояния здоровья 62% респондентов в группе, наиболее близкой к РВ (до 1950 г. рождения), считали условия жизни, а не усилия самого человека, как считали более молодые. По возрасту 35-39 лет проходила граница, за которой начиналось ухудшение здоровья. Женщины больше заботились о здоровье, чем мужчины. Последние меньше болели (или — позволяли себе болеть). И — чаще занимались физкультурой (в 1980 г. — 20%?). В 1970-е гг. многие люди, занятые малоподвижной работой, побежали «трусцой от инфаркта». Для 1989 года есть совершенно фантастическая оценка численности занимавшихся физкультурой и спортом — 53 млн. человек. А вот в уточнение: «в том числе 3 млн. — по месту жительства»<sup>72</sup> поверить можно. В любом случае не уроженцы 1940-х гг. составляли среди физкультурников и спортсменов заметную долю. В общем, три фактора определяли состояние здоровья в нормальные советские времена: семейно-демографический, трудовой и нравственно-психологический (отвлекаясь от наследственности, от последствий Войны и другого, в чём человек не волен). Для последнего фактора главной составляющей были отношения в семье.

По материалам опросов видно, что в 1980-е гг. люди старше 30 лет, т.е. родившиеся до 1950-х, оценивали отношения в их семьях как: хорошие — 30%, нормальные — 58%, напряжённые — 4% (большей частью последний вариант ответа давали те, кто был помоложе, не притерпелся). Возможно, не случайным было численное совпадение этих ответов с самооценкой здоровья: хорошее — 25%, нормальное — 60%, есть трудности — 8%. О роли жилищных условий: влияют отрицательно — сказала половина этой когорты, а в среднем по всему массиву получено было лишь 17% таких ответов. И о влиянии на здоровье материальных условий 30-50-летние давали более негативные ответы, чем в среднем по массиву. Особенно жаловались женщины и молодежь. Вывод социолога гласил: люди плохо осознавали влияние разных факторов на здоровье. От 1/3 до

<sup>68</sup> Социальная сфера..., с. 229.

<sup>69</sup> Ольховский А.Б., Тихонов С.М. Здравоохранение России. 20 лет реформ... СПб: Нестор-История, 2010, с. 24-28.

<sup>70</sup> НХ РСФСР в 1985 г., с. 225-230.

<sup>71</sup> РСФСР в цифрах в 1989 г., с. 118-121.

<sup>72</sup> Социальное развитие СССР..., с. 281.

1/2 не знали своих показателей здоровья, и если болели, то лечились сами<sup>73</sup>.

По данным медико-демографических обследований, 9% горожан и 12% сельских жителей не посещали поликлиники, хотя 37% нуждалось в помощи. Самолечением занималось 6% колхозников и 16% служащих. С отсутствием нужных лекарств в продаже сталкивались 64% горожан и 55% селян. Специфический женский фактор здоровья и его противоположности был связан с воспроизводственной функцией. Из тех незамужних женщин, которые прерывали беременность, это негативно сказывалось на их здоровье в 70-ти процентах случаев в городе и в 90% — на селе. Село, однако, по рождаемости имело лучший показатель, здесь на 1/7 было меньше бесплодных браков. В среднем же по стране в 1974 г. они составляли 10%.<sup>74</sup>

Здоровье сотен тысяч людей в год страдало от преступлений. Количество преступлений за вторую половину 1980-х возросло с 1,4 до 1,6 млн. Количество же осуждённых сократилось почти вдвое — с 837 до 437 тыс. РВ среди них принадлежали к самой крупной возрастной когорте 30-49-летних, чей удельный вес был равен 36 — 39%.<sup>75</sup> Т.е. опасность социальной среды повышалась.

Природной среды — также. Благодаря Гласности, мы узнали, что районами бедствия стали многие территории страны. А до этого не очень беспокоились, читая и слушая о почвозащитных работах на десятках млн. га, об охране и защите лесов, расширении национальных парков и заповедников, об истощении водных ресурсов, забираемых на орошение угодий, на производственные нужды и об умеренном росте естественных вод, расходуемых на бытовые нужды. Улавливалось якобы 3/4 вредных веществ, выбросов, загрязнявших воздух и т.д.<sup>76</sup>

Итак, в изучаемое 15-17-летие РВ находились в группе, когда уже не было состояния и ощущения «всё могу», как в 16-20 лет. Но запас здоровья был еще немалый. Традиций цивилизованного самосохраняющего поведения у значительной части мужчин не было. Забывали о возрасте, молодечеством считалось пережидать простуды, грипп на ногах. «Маленькая» (250 грамм) перцовки и парилка излечивали мужские простуды до поры, разрушая при этом сердце. Женщины охотно пользовались все более щедрым порядком оплаты больничных листов.

Какой смысл торопиться поправиться, если по больничному платили 60-80%, а потом и 100% среднего заработка? Женщин, имеющих маленьких детей, не всегда брали на работу. У организаторов здравоохранения, с одной стороны, в теории, было понятие о преимуществах системы предупреждения заболеваемости, с другой — привычный валовой подход к развитию прежде всего служб лечения. Ухудшение качества окружающей среды застало РВ в наиболее устойчивом возрасте и не сказалось сразу на их физическом состоянии. То же относится к нездоровым условиям труда. Не имея достаточной квалификации, сотни тысяч людей шли на вредные производства, ради льгот, денег, ранней пенсии, не задумываясь о последствиях или сознательно обрекая себя на нездоровье в пожилом возрасте. Короче: при довольно больших затратах на здравоохранение и при достатке кадров формализм лечебной и оздоровительной системы, а также недостаточная здоровьесберегающая культурность населения подрывала здоровье значительной части последнего, в том числе — РВ.

Экономическая неэффективность Системы имела продолжением медико-социальную неэффективность. Крайнее выражение это находило в медленном, непоследовательном оздоровлении условий труда, в массовом сокрытии производственного травматизма. Но все же большинство РВ пережило зрелый социализм и вышло из него скорее в здоровом, чем в болезненном состоянии. Замедление или отсутствие положительных сдвигов в экономике, нелогичность на этом фоне роста сферы благососа — дезориентировали, отупляли.

Средний писатель-РВ так это чувствовал и НАПЕЧАТАЛ в 1974 г.: *«Не чувствую возраста. Илья сидел сиднем 33 года, потом встал. Моя жизнь немногим интереснее сидения сиднем. М.б., из-за мизерности переживаемых событий. Интересно, я один так или это общее чувство... Учился хорошо... Эх, лучше бы гулял во дворе! Знал бы, чего хочу в жизни, не страдал бы от безнадежных влюбленностей, легко сходился с людьми, умел бы не мечтать, а добиваться. Умение жить добывается опытом...»* Здесь названо и относящееся только к автору, и то, что могли бы сказать о себе многие РВ. Это объясняет, почему среди них, в частности, не было достаточного числа самоотверженных защитников КПСС, социализма, СССР, которые могли бы переломить ситуацию в 1991 — 1993 гг.

<sup>73</sup> Журавлёва И.В. Семья как фактор здоровья // Население России в 80-е годы. М., 1991, с. 78 - 85.

<sup>74</sup> Бедный М. С. Демографические факторы здоровья. М., 1984, с. 59, 113, 118, 218.

<sup>75</sup> НХ РСФСР в 1988 г., с. 263.

<sup>76</sup> НХ РСФСР в 1985 г., с. 225-230.